

СЛАВЯНСКАЯ КУЛЬТУРА И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ КОНТЕКСТ (К проблеме — «И.-В. Гете и А. Н. Радищев»)

И. Я. Матковская (Одесса)

«...Уже написан «Вертер»...

Б. Пастернак

В исследовательской литературе, посвященной А. Н. Радищеву, как и в научной гетее, практически отсутствует тема «Гете и Радищев».

Об этом заставляет вспомнить, — среди прочих причин, — также и то, что в августе 1999 г. исполняется 250 лет со дня рождения обоих крупнейших деятелей европейской культуры XVIII в.: как известно, И.-В. Гете родился 28 августа 1749 г., а А. Н. Радищев — 20(31) августа 1749 г. Будучи студентами юридического факультета Лейпцигского университета в одни и те же годы, они не могли не знать друг друга, хотя прямых свидетельств об их встречах до сих пор не обнаружено. Тем не менее, по предположениям П. Хоффмана, а затем и Э. Хексельшнайдера, имеются некоторые косвенные данные о том, что Гете знал о Радищеве и других русских студентах, обучавшихся на юридическом факультете в Лейпциге, в частности, как участниках «бунта» против их воспитателя Бокума (Хексельшнайдер, 1977, с. 248-249). История эта, кроме своей скандальности, представляла некоторый профессиональный интерес для студентов-юристов, поскольку участники «бунта» были арестованы и, как предполагалось, должны были предстать перед судом (Старцев, 1990, с. 30).

Вызывает удивление тот факт, что — при огромном количестве различного рода ссылок и других обращений ко множеству имен западноевропейских деятелей культуры — имя Гете в опубликованных произведениях А. Н. Радищева не встречается в прямых, открытом текстом, упоминаниях. Однако, в одном эпизоде «Путешествия из Петербурга в Москву» есть достаточно значимое и в чем-то загадочное упоминание о знаменитом гетевском герое — Вертере. Речь идет о главе «Клин», где Путешественник рассказывает о своей встрече со слепым нищим-певцом, чье исполнение духовного стиха об Алексее — человеке Божьем растрогало его слушателей, в том числе и Путешественника, до слез: «Я рыдал вслед за ямским собранием, и слезы мои были столь же для меня сладостны, как исторгнутые из сердца Вертером...» (Радищев, 1938-41, т. 1, с. 374).

На это впервые обратил внимание А. С. Пушкин, который в своем

неоконченном «Путешествии из Москвы в Петербург» (1833-35 гг.), наряду с комментариями к другим эпизодам радищевского произведения, кратко излагает содержание главы, давая ей весьма своеобразную интерпретацию — устами, как полагают исследователи, нового Путешественника. (Оксман, 1962, с. 571) В частности, в пушкинском «Путешествии...» отмечено, что растроганные слушатели одарили старика-певца полущками, а рассказчик — радищевский Путешественник — пытается подарить ему целковый, от чего нищий отказывается. Мотивы этого отказа у Радищева изложены так: чтоб не вводить в соблазн и не провоцировать лихих людей на воровство у слепца. В трактовке же нового, пушкинского Путешественника, — старик отказывается от целкового, «...потому что Радищев дворянин». Далее у Пушкина сказано: «Радищев, наконец, дарит ему шейный платок и извещает нас, что старик умер несколько дней после и похоронен с этим платком на шее. — Имя Вертера, встречаемое в начале главы, поясняет загадку». (Пушкин, т. 6, с. 396) В. А. Западов в примечаниях к 1 тому Полн. собр. соч. А. Н. Радищева, давая комментарий к пушкинской интерпретации данного отрывка, подчеркивает, что Пушкин, видимо, «объясняет сентиментальный характер этой главы «Путешествия» влиянием «Вертера». В частности, он, по-видимому, сближал последние строки главы (о подаренном платке, с которым умер старик-певец), с аналогичным мотивом в последнем письме Вертера, служащем его завещанием». (Западов, Примечания, с. 493-494).

Известно, что первый русский перевод гетевского «Вертера» был осуществлен Ф. Галченковым в 1781 г. под названием «Страсти молодого Вертера». Однако, еще до его издания в русском переводе произведение пользовалось огромным успехом у русских читателей в 70-е годы. (Напомним, что первое издание романа Гете — 1774 г.). Тогда с ним образованные читатели могли знакомиться в оригинале. Как отмечает тот же В. А. Западов, популярность романа была в России столь велика, что, начиная с 90-х гг., неоднократно появлялись различного рода подражания ему. Не удивительно, что в контексте культурной атмосферы эпохи 80-90-х гг. XVIII в. в России, когда в самосознание образованного россиянина достаточно прочно вошла идея — «уже написан «Вертер»...» — одно упоминание имени гетевского героя будило многообразные ассоциации.

Бурные события европейской истории конца XVIII — начала XIX вв. (включая, естественно, и Россию), существенно изменили общий духовный климат и культурные координаты. И хотя имя Вертера по-прежнему узнаваемо и достаточно чтимо, но его упоминание в контексте чувствительной истории о растрогавшем всех пении слепцом духовного стиха

вызывает — то ли у пушкинского Путешественника, то ли у самого Пушкина (вопрос этот остается дискуссионным), — такую ремарку: «Вместо всего этого пустословия лучше было бы, если Радищев, кстати о старом и всем известном «Стихе», поговорил нам о наших народных легендах, которые до сих пор еще не напечатаны и которые заключают в себе столь много истинной поэзии. Н. М. Языков и П. В. Киреевский собрали их несколько etc., etc.» (Пушкин, с. 396).

Так завершается в пушкинском «Путешествии из Москвы в Петербург» краткий комментарий к главе «Клин». Независимо от того, кто является автором этого комментария, — как мы уже отмечали, вопрос этот дискуссионен по сути, а кроме того, его содержание выходит за пределы данной нашей работы, — необходимо признать, что незаконченное произведение Пушкина 1833-35 гг. вводит в научный оборот исследовательскую тему «Гете и Радищев», по крайней мере в ее литературоведческом и историко-литературном аспектах.

Значимость для Пушкина содержания радищевской главы «Клин», вместе с ее гетеанскими аллюзиями, подтверждается тем, что в своей статье «Александр Радищев» (1836) поэт вновь обращается к ней. Если по поводу комментариев «Путешествия из Москвы в Петербург», например, известный пушкиновед Ю. Г. Оксман решительно высказался за их принадлежность «новому Путешественнику», «московскому либеральному барину», «человеку совсем иных интеллектуальных данных и общественно-политических взглядов, чем Пушкин», то в авторстве статьи 1836 г. не сомневается никто. Оно принадлежит Пушкину. Здесь уже нет никаких оснований для предположения о своеобразном «раздвоении» — на автора и Путешественника, от лица которого ведется рассказ о путешествии и одновременно комментируется книга Радищева. Как же выглядит радищевская глава «Клин» в контексте статьи «Александр Радищев»? Это единственная глава из книги Радищева и вообще из всех его произведений, чей текст целиком, без малейших сокращений воспроизведен Пушкиным и помещен в качестве одного из Прибавлений (т. е. Приложений) к статье. Тексту главы «Клин» предшествует — Прибавление II — отрывок из «Записок Храповицкого», где среди других замечаний Екатерины к книге Радищева приведено ее знаменитое резюме: «...он бунтовщик, хуже Пугачева». В качестве Прибавления I к тексту пушкинской статьи «Александр Радищев» читатель находит копию личного письма Екатерины генерал-аншефу Брюсу, где она уведомляет последнего об издании книги «Путешествие из Петербурга в Москву», наполненной самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими дол-

жное ко власти уважение, стремящимися к тому, чтоб произвести в народе негодование противу начальников и начальства, наконец оскорбительными выражениями противу сана и власти царской» (Пушкин, с. 218-221). Далее в письме следует приказ о придании суду уже взятого под стражу автора «вредной книги». Хотим отметить, что собственно пушкиноведческие аспекты рассматриваемой проблематики заслуживают специального анализа, и их содержание отчасти уже неоднократно в различных планах было предметом исследования. Цель же настоящей нашей работы — иная. Тем не менее, говоря об особом интересе Пушкина к радищевской главе «Клин», следует, с нашей точки зрения, подчеркнуть, что содержание этой главы с ее призывом к отказу от жестокости, с ее напоминанием о том, что «...уже написан «Вертер»...», — должно было резко контрастировать с содержанием двух других Прибавлений к пушкинской статье «Александр Радищев». В этом, видимо, и состоял замысел Пушкина, независимо от того, что он написал в своей статье о несчастном авторе «Путешествия из Петербурга в Москву»... Кроме того, гетеанские аллюзии, содержащиеся в тексте главы, должны были, как можно предполагать, еще раз обратить внимание на правомерность исследовательской темы «Гете и Радищев» и тем самым — пусть косвенно — подтвердить принадлежность опального автора общеевропейской гуманистической традиции.

Иными словами, в 1836 г. Пушкин нашел способ еще раз напомнить современникам: «...уже написан «Вертер»...» Тем более, что после смерти великого Гете прошло всего четыре года, а родившийся с ним в один и тот же год, месяц — и чуть ли ни в один и тот же день — Радищев добровольно покончил счеты с жизнью, подобно гетевскому Вертеру, уже 34 года тому назад... Можно думать, что проблема «Гете и Радищев» включает в себя и этот план-тему самоубийства в целом и, в частности, тему права человека на добровольный уход из жизни в знак протеста против несправедливости, права на самоубийство как средство борьбы против несправедливого общественного устройства. Как известно, идея эта — общая для всего просветительства. Однако, по силе художественной убедительности, эмоциональному накалу страстей, человечески-проникновенному трагизму воплощения этой идеи гетевский «Вертер» занял совершенно особое место в европейской и мировой гуманистической культуре. Известно, что образ главного героя романа — во многом автобиографичен: Гете не раз говорил, что «...написал «Вертера», чтобы не стать им». В отличие от других своих произведений, он никогда не перечитывал свой ранний роман, вернувшись к нему, к этому тексту, только два-

ды — в 1786 г., когда готовил его окончательный вариант, и в 1823 — когда встал вопрос о его переиздании. При этом во время своей работы над текстом романа в 1786 г. Гете писал полушутливо в одном из писем: «Я исправляю Вертера и нахожу, что автор сделал глупость, не застрелившись по окончании этой вещи» (Конради, 1987, т. 1, с. 97). А в 1823 г. писатель признавался, что в свое время, при его написании и первом издании боялся пробудить этим романом «волю к смерти» как способу протеста против реальности, ее несправедливости. Хорошо известно, что опасения эти были не лишены оснований — огромный успех «Вертера» обернулся и волной достаточно значительного числа самоубийств.

Взгляд на добровольный уход из жизни как на акт гражданского мужества, как форму протеста против насилия в России XVIII в. с наибольшей определенностью выразил, в частности, например, Я. Б. Княжнин в трагедиях «Рослав» и «Вадим Новгородский». Что касается Радищева, то тема эта — также одна из сквозных в его художественном и философском творчестве, — от «Жития Федора Васильевича Ушакова» и до философского трактата «О человеке, его смертности и бессмертии». Не говоря уже о том, что, как мы упоминали, — самоубийство стало и его собственной судьбой... Определенную разработку получает эта тема и в «Путешествии из Петербурга в Москву». Достаточно основательно развита она, например, в главе «Крестьяны», в знаменательных наставлениях «крестичьего дворянина» своим детям: «...оставлю вас навеки; но се мое вам завещание. Если ненавистное счастье истощит над тобою все стрелы свои, если добродетели твоей убежища на земле не останется, если, доведenu до крайности, не будет тебе покрова от угнетения, — тогда воспомни, что ты человек, воспомни величество твое, восхити венец блаженства, его же отъяти у тебя тщается. — Уми. — В наследие вам оставляю слово умирающего Катона...» (Радищев, т. 1, с. 306) Как известно, римский политический деятель-республиканец I в. до н. э., Катон Марк Порций Утический, не желая быть свидетелем крушения республики, покончил самоубийством. Согласно легенде, получив отнятый у него друзьями меч, он произнес: «Теперь я принадлежу себе». И закололся... Исследуя круг проблем, связанных в творчестве Радищева с темой самоубийства, Г. А. Гукковский обратил внимание на некоторые психологические ее аспекты. Так, в «Житии Федора Васильевича Ушакова» (1788 г.), как справедливо полагает исследователь, Радищев пытается рассмотреть те психологические закономерности, которые заставили протестовать против несправедливостей воспитателя Бокума группу доведенных до отчаяния юношей. «Человек много может сносить неприятностей, удручений и оскорблений, —

пишет Радищев. — ...Не доводи его токмо до крайности...» И далее: «Подобно как в обществах, где удручение начинает превышать пределы терпения и возникает отчаяние, так и в нашем обществе начинались сходбища, частые советования, предприятия, и все, что при заговорах бывает...» Поразительно, что Радищев проводит некоторую параллель между закономерностями групповой и индивидуальной психологии, с одной стороны, и психологией массовых движений, — с другой. Резюмируя свои наблюдения, Г. А. Гуковский, в частности, отмечает, что известный афоризм Радищева — «свободы должно ждать от самой тяжести порабощения» — имел в виду действие именно этого психологического механизма. В соответствующих условиях, как подчеркивает Г. А. Гуковский, даже какое-либо незначительное событие может «запустить» действие этих «психологических пружин», которые могут «...заставить целые народы потрясти мир грандиозными событиями». (Гуковский, 1939, с. 432).

Развивая эти подходы Г. А. Гуковского, Ю. М. Лотман убедительно пишет о том, что радищевское понимание, в частности, образа Катона Утического было связано не только с традиционным для XVIII в. прославлением тираноборческих подвигов античных «героев-самоубийц», но имело еще и другой смысл: гибель героя во имя свободы должна была — могла — выступать как тот самый «пусковой механизм», который мог служить началом народного движения протеста. (Лотман, 1965, с. 14-15). Но, вместе с тем, Радищев хорошо понимал, что подвиг одного может быть первотолчком массового движения, если есть «поборство обстоятельств»: «Едва один возмол, осмелился, дерзнул изъяться из толпы, как вся окрестность согревается его огнем и, яко железные пылинки, летят прилепиться к мощному магниту. Но нужны обстоятельства, нужно их поборство, а без того — Иоган Гус издыхает во пламени, Галилей влечется в темницу, ваш друг в Илимск заточается...» (Радищев, т. 3, с. 257). Уже по содержанию цитаты ясно, что она — из скорбных размышлений Радищева в ссылке, составивших содержание его философского трактата «О человеке, его смертности и бессмертии». Однако, поразительно другое, до сих пор, насколько нам известно, не отмеченное в исследовательской литературе обстоятельство. Дело в том, что сформулированная в «Житии Федора Васильевича Ушакова» и, практически, прошедшая через все, наиболее значимые произведения Радищева, мысль, условно говоря, об «энергии отчаяния» — почти дословный парафраз одной идеи из гетевского «Вертера»! Действительно, о том, что «...уже написан «Вертер»...» Радищев, как и все образованные люди его времени, помнил всегда... Но прислушаемся к одному из разговоров-дискуссий Вертера с Аль-

бертом, где речь идет о самоубийстве — является ли оно проявлением человеческой силы или слабости? Такую постановку вопроса, как можно предполагать, спровоцировала противоположность натур спорящих. Вот точка зрения Альберта: « — ...Вечно ты перехватываешь через край, а тут уж ты кругом не прав, — речь ведь идет о самоубийстве, а ты сравниваешь его с великими деяниями, когда на самом деле это несомненная слабость: куда легче умереть, чем стойко сносить мученическую жизнь». Ему возражает Вертер: «Ты это именуешь слабостью? Сделай одолжение, не суди по внешним обстоятельствам. Если народ, стонущий под нестерпимым игом тирана, наконец, взбунтуется и разорвет свои цепи — неужто ты назовешь его слабым?» (Гете, т. 6, с. 40).

Очевидно, что сама по себе абстрактная постановка вопроса, связанная, как уже было сказано, с сюжетно обусловленной противоположностью натур участников спора, предопределила бесплодность последнего. Однако, обращает на себя внимание значимое пересечение содержания высказанной Вертером мысли с идеями Радищева. И еще одно: цельность натуры гетевского героя, его готовность к нелегкому единству образа мыслей и образа жизни, к совпадению содержания идей и их жизненно-практического воплощения — не это ли оказалось наиболее заразительным и впечатляющим в его духовном облике для Радищева? И не эта ли вертеровская предельная искренность определила в конечном счете выбор русским мыслителем своей судьбы?

- Хексельшнайдер Э. Открытие мемориальной доски Радищеву в Лейпциге. // Радищев и литература его времени. XVIII век. — Т. 12. Л. 1977 г. — С. 248-249.
- Старцев А. И. Радищев. Годы испытаний. — 2 изд. М. 1990 г. — С. 30-35.
- Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Полн. собр. соч. в 3-й томах. М. 1938-41 гг. — Т. 1. М. 1938 г. — С. 374.
- См. об этом — Оксман Ю. Г. Пушкин — литературный критик и публицист. // Пушкин А. С. Собрание соч. в 10 томах. — Т. 6. М. 1962 г. — С. 571-573.
- Пушкин А. С. Путешествие из Москвы в Петербург. // Собр. соч., — Т. 6. — С. 396.
- Западов В. А. Примечания. // Радищев А. Н. Полн. собр. соч. — Т. 1. — С. 493-494.
- Пушкин А. С. Александр Радищев. — там же, с. 218-221.
- Цит. по: Конради К.-О. Гете. Жизнь и творчество. М. 1987 г. — Т. 1-11. — Т. 1. — С. 97.
- Гуковский Г. А. Русская литература XVIII в. М. 1939 г. — С. 432.
- Лотман Ю. М. Отражение этики и тактики революционной борьбы в русской литературе конца XVIII в. // Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 16. Тарту. 1965. — С. 14-15.
- Гете И.-В. Собр. соч. в 10 томах. М. 1978 г. — Т. 6. — С. 40.